

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-66-90

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ИНДИИ XIX В.

Н.А. Крашенинникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Юридический факультет
119991, Москва, Россия, ул. Ленинские горы, 1/13–14, ГСП-1

Е.Н. Трикоз

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Статья посвящена истории доктринальной обработки и текстуального закрепления института соучастия в уголовном праве Индии колониального периода. С учетом смешанной природы правовой системы этой страны авторы рассматривают различные подходы к соучастию: как с позиций доколониальной ортодоксальной традиции (дхармическая литература) и местного мусульманского права, так и с учетом англосаксонской правовой традиции и постколониальной судебной практики. Источниками исследования послужили акты колониального законодательства, подготовительные материалы и текст Уголовного кодекса Индии 1860 г., труды ведущих представителей английской и индийской уголовно-правовой науки, а также знаковые судебные решения индийских судов.

На основе предпринятого историко-догматического анализа авторы дают оценку проблематике групповой преступности и ее значению в истории уголовно-правовой системы Индии. В качестве эмпирического материала послужили криминалистическая статистика и описания криминальной обстановки колониальной Индии.

Для Индии было характерно превалирование различных форм совместной преступной деятельности местных жителей как следствие традиционной варново-кастовой иерархичности и коллективно-групповой идеологии. Отдельную и наиболее опасную категорию «преступных каст» представляла религиозная криминальная секта тугов (разбойников-душителей). Именно с их уголовного преследования начались теоретические поиски более цивилизованных методов уголовной политики и способов противодействия групповой (организованной) преступности в британской Индии. В условиях разросшейся колониальной преступности, связанной с голодом, мятежами, ритуальными грабежами и жертвоприношениями, английские чиновники (У. Бен-тинк, Т.Б. Маколей, У.Г. Слиман) смогли разработать особую концепцию соучастия и практически апробировать этот институт Общей части УК Индии 1860 г. Важным итогом исследования стало выявление отличительных особенностей конструкции соучастия в индийском уголовном праве по сравнению с его аналогом в праве метрополии (новаторские положения «проекта Маколея»). Кодифицированные нормы о соучастии в Общей части УК 1860 г. детально регламентировали вопросы классификации форм соучастия, оснований ответственности и различий в субъективной и объективной стороне (*mens rea* и *actus reus*), соучастие в неоконченном преступлении, участие в преступлении должностных лиц, укрывательство преступления, преступный сго-

вор и др. Авторы статьи делают вывод, что постепенно в УК Индии и судебной практике произошло «размывание» изначально узкой трактовки понятия соучастия за счет активного судебного толкования его форм и категорий соучастников.

Ключевые слова: УК Индии; англосаксонская семья права; уголовная ответственность; соучастие в преступлении; организованная группа; преступное сообщество; признаки преступного соучастия; колониальное право; индусское право

I. ВВЕДЕНИЕ

Соучастие является одним из древнейших классических институтов уголовного права. В мире нет, пожалуй, ни одного уголовного кодекса, в общей части которого не нашел бы отражения этот уголовно-правовой институт. Исторически групповая преступность была достаточно распространенным явлением и представляла собой наибольшую общественную опасность. Подготовка и совершение преступления с участием нескольких лиц и в условиях «взаимовыручки» соучастников всегда повышает «шансы на успех» преступного замысла, способствует достижению преступной цели и сокрытию содеянного, уклонению от органов правосудия и совместному сопротивлению в случае уголовного преследования.

Историко-правовое исследование англосаксонского института преступного соучастия, перенесенного на колониальную почву Британской Индии с заимствованиями местной уголовно-правовой практики, способствует более глубокому осмыслению феномена групповой преступности с учетом иностранного опыта криминологической политики по преодолению опасных форм соучастия.

Целью настоящего исследования является обобщение и анализ доктринальных позиций и законодательных положений института соучастия (*conspiracy*) в смешанной правовой системе Индии. Авторы ставят перед собой такие прикладные научные задачи, как изучение различных подходов к толкованию соучастия в индийской ортодоксальной традиции и частично в нормах мусульманского права, а также в источниках британской уголовно-правовой науки, актах колониального законодательства и решениях индийских судов. Первая часть статьи посвящена рассмотрению института соучастия через призму истории преступлений, совершаемых группами лиц в Британской Индии, а вторая часть связана с анализом нормативной регламентации этого института в Уголовном кодексе Индии 1860 г., в том числе со сложными вопросами разграничения отдельных форм соучастия, совиновничества и преступного сговора.

II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Как утверждают английские историки права Ф. Поллок и Ф.У. Мейтленд, институт содействия преступнику, оказания ему поддержки и укрывательства был известен раннесредневековому праву Англии (Pollock & Maitland,

1898:510). Так, в уэссекской «Правде Инэ» 690 г. содержались нормы о различных видах соучастия: простое соучастие квалифицировалось при наличии группы до 7 человек, толпа (шайка) — до 35 человек, «военное нашествие» — свыше 35 человек; а также говорилось об ответственности членов семьи вора, знавших о совершении им преступления, и устанавливался возраст в 10 лет для мальчиков, совершивших укрывательство преступника (ст. 7, 13.1)¹.

В средневековом английском праве под соучастием (*complicity*) подразумевалась особая форма совместной (групповой) преступной деятельности (*joint enterprise*), когда объединялись усилия нескольких лиц для достижения единого намерения совершения преступления. Постепенно сложившаяся в уголовно-правовой доктрине и нормах «общего права» концепция соучастия была перенесена в конце XVIII — начале XIX в. в колониальное уголовное право. У британских властей были веские утилитарные причины введения собственных уголовно-правовых концепций, весьма чуждых правовой культуре Индии.

На примере Британской Индии с ее особенно пестрой правовой системой можно проследить, как развивались в колониальном праве положения противодействия совместной преступной деятельности и совместному участию в преступлении (англ. *participation in crime*). Синкретичное своеобразие правовой культуры Индии усугублялось огромными размерами субконтинента, «правовой чересполосицей» полуфеодальных княжеств, отягощалось индомусульманскими противоречиями, культурно-религиозной и расово-этнической пестротой индийского населения (Krashennnikova & Trikoz, 2017:183–206).

На первом этапе, в конце XVIII — начале XIX в., британский парламент санкционировал применение мусульманского и индуистского права в колониальных судах по уголовным делам (Shahdeen, 1994:15–20). Колониальные суды, как учрежденные Ост-Индской компанией, так и королевские суды, весьма хаотично и противоречиво применяли к случаям групповой преступности местные предписания индусского и мусульманского права, а в спорных случаях обжалования решений общинно-племенных судов использовали английскую доктрину соучастия, также весьма путанную и отягощенную прецедентным толкованием, по принципу «эквивалентности» (лат. *accessorium* — дополнительный, несамостоятельный). Согласно акцессорной теории, все соучастники несли одинаковую с непосредственным исполнителем ответственность как его *alter ego* (соисполнители), кроме т.н. «соучастников после факта совершения преступления». Соучастники наказывались за их участие в непосредственном совершении преступления или даже на стадии покушения на него (Chernykh, 1986:12). Здесь решающим элементом признания уголовно наказуемого соучастия считалась преступная воля, злое намерение, разумение соучастника.

¹ Хрестоматия по истории средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. Раннее средневековье. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. С. 600.

Средневековая конструкция института соучастия развивалась и в местной правовой культуре, в частности, в «дхармической литературе» индийской ортодоксальной традиции. Этот институт был закреплён в наиболее авторитетных дхармашастрах «Законах Ману» (II в. до н.э. — II в. н.э.), в которых регламентировались отдельные вопросы соучастия, например, укрывательство вора, оказание ему материальной поддержки, и даже получение брахманом взятки от вора (за исполнение жертвоприношения в его пользу). Пособников, которые давали ворами пищу и оружие, дхармашастры предписывали наказывать как самих воров. Как было указано, справедливый раджа «пойманного с краденым и воровским инструментом велит казнить, не колеблясь» (ст. 270 гл. IX ЗМ)². За подстрекательство также устанавливалось наказание, аналогичное основному преступлению (Glücklich, 1982:62–65).

После завоевания Делийского султаната мусульманским государством моголов в Индии была введена мусульманская уголовно-правовая система. Со временем нормы шариата стали применяться почти безраздельно к индусам, буддистам, христианам, иудеям и другим жителям подконтрольных княжеств. В этих нормах доколониального периода институт соучастия был ещё недостаточно разработан, хотя уже выделился ряд общих правил об ответственности за совместное преступление (Banerjee, 1962:10–14). Некоторые из них имели кораническое происхождение: «В злодеяниях и вражде / Друг другу не оказывайте помощь. / Страшитесь Господа / Он в наказании силен» (Коран. Сура 5 «Трапеза»). В шариате запрещалось отдавать приказ на греховное дело, а всякое преступление объявлялось жесточайшим и величайшим грехом; одна из норм шариата гласила: «то, что ведёт к греху (преступлению), является грехом». Следовательно, любая форма участия в подготовке или совершении преступления признавалась грехом, подлежащим наказанию.

Другое средневековое правило гласило, что число лиц, подвергаемых по принципу талиона кровомщению (убийству из кровной мести), должно быть строго равным числу жертв откупаемого преступления. На этой основе шариатские суды в Индии стали ограничивать простых участников преступления от «главных виновников», которые подлежали всегда строгому установленному наказанию (*худуд* или *кисас*) — смертной казни, в то время как собственно «соучастники» наказывались по усмотрению судьи (наказание *та'азир*). Например, если один из них удерживал жертву в то время, как другой (исполнитель) наносил смертельные удары, то лишь этот последний приговаривался к смертной казни, а первый как соучастник получал удары плетью и отправлялся в тюрьму.

В мусульманском праве доколониальной Индии различали такие формы соучастия, как преступный сговор, подстрекательство и пособничество, первые

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1. Древний мир и Средние века. М. : Норма, 2017. С. 123.

из которых относились к активным по своей природе преступным действиям. Причем сговор о совершении преступления признавался наказуемым, даже если его участники не предприняли каких-либо действий с целью реализации своих планов. В этом нормы шариата отличались от англосаксонской доктрины преступного сговора и акцессорной теории. Допускалось наказание за подстрекательство, даже если склоняемый не совершил «заказанного» подстрекателем преступления. Посоничество в шариате было наказуемым даже в пассивной форме (например, недонесение о преступлении). Соккрытие вора или убийцы также рассматривалось как самостоятельное преступление *та'азир*, наказываемое лишением свободы и телесным наказанием.

Наряду с «материальным» исполнителем наказывался и «духовный», или моральный, исполнитель, который просто использовал для совершения преступления лиц, не подлежащих уголовной ответственности (в силу их невменяемости, возраста, принуждения или отсутствия умысла).

В отличие от англосаксонского права в шариате добровольный отказ исполнителя от преступления не исключал наказуемости иных соучастников. Таким образом, в средневековой (доколониальной) Индии распространилась мусульманская концепция соучастия в преступлении, которая отрицала его акцессорную природу и в любом случае вела к уголовной ответственности пособника и подстрекателя (Kaspshak, 2016:101–102).

Хотя в мусульманской правовой доктрине соучастник должен был «подлежать» тому же наказанию, что и сам исполнитель, в судебной практике он далеко не всегда подвергался такому же наказанию.

В средневековом индийском обществе процветали религиозно-сектантские и внутрикастовые социальные группировки, объединявшиеся под сенью какого-либо культа или ремесла, нередко промышлявшие разбойными нападениями и ведущие полукриминальный образ жизни. После прихода англичан такая криминогенная обстановка в индийских колониях казалась неискоренимой цивилизованными (западными) методами. Индийское общество с его феноменальной мозаичностью и социальной корпоративностью легко допускало отклоняющие (девиантные) формы деятельности разных группировок (каст, сект, панчаятов и др.), главы которых обладали устойчивой духовной властью и особым моральным авторитетом. Они были способны организовать тайные или даже открытые сообщества антибританской направленности, поднять мятеж против колониальных властей или миссионеров в отдельной общине, княжестве или президентстве.

Коллективистские начала и кастовый способ социальной организации, основанный на древнеиндийском «законе четырех варн и стадий жизни» (*чатур — варна — ашрама — дхарма*), находил отражение в «криминогенной обстановке», разрасталась практика незаконной деятельности внутрикастовых и сектантских полукриминальных объединений. Такую ситуацию британские колониальные власти не могли первое время адекватно воспринимать и контролировать.

Английские колонизаторы, осознавая особенности традиционной варново-кастовой иерархичности и коллективно-групповой идеологии в Индии, с которыми была тесно связана распространенная здесь групповая преступность и разнообразные формы преступного соучастия, ввели систему *косвенного колониального управления*.

Сохраняя первое время «кастовую автономию» и суверенность традиционного правового регулирования в соответствии с нормами индуистского и мусульманского права, английские чиновники и судьи столкнулись с ростом полукриминальной и даже открыто насильственной активности группировок и сообществ. Они вели борьбу за повышение своего социального (и прежде всего варнового) статуса среди других более высоких каст, а также против политики «белой администрации». Яркий пример в этот период дает шудрянская каста *каятхов* — средневековых писцов, традиционно занимавших административные посты при индийских раджах и затем уже в колониальной администрации Индии. Разрасталась групповая преступность и среди членов касты «неприкасаемых»: под видом «борьбы за равноправие» и против причисления их к низшей варне *шудр* они вели полукриминальную борьбу с дискриминирующими их властями. На этой волне недовольства ограничениями в своей правоспособности «неприкасаемые» часто вовлекались в организованную преступность и различные формы соучастия.

Отдельной категорией «преступных каст» в колониальной Индии являлись такие, которые по сути выбрали совершение преступлений в качестве своей кастовой специализации. Это, в частности, кочевая каста *канджаров*, занимавшихся похищением людей и грабежами; касты *коли* и *баухари*, специализировавшиеся на краже скота; каста *бхампта*, профессиональная практиковавшая железнодорожные кражи; близкая к «неприкасаемым» криминальная каста *барвар*, члены которой были профессионалами в боевых искусствах и зачастую решали конфликты насильственным способом; каста *харни*, избравшая «профессией» занятие проституцией, и др.

С точки зрения британских колониальных властей небольшие традиционные общины, низшие касты, лесные и горные (пригималайские) племена, ведущие кочевой образ жизни представляли потенциальную угрозу для общества, поскольку в них трудно было контролировать и предупреждать преступную деятельность. Такие групповые объединения индусов не соответствовали понятиям европейцев о цивилизованном образе жителей, которые должны были вести оседлую жизнь, практиковать земледелие и использовать наемный труд. Британские чиновники подспудно видели в их образе деятельности разные формы групповой преступности, выделяли главарей и соучастников, различали их по степени виновности и вредоносным последствиям совершенного деяния. Это, в свою очередь, способствовало формированию особых субинститутов (форм) соучастия в колониальном уголовном праве: подстрекательства и преступного сговора, деления на «воров в законе» и простых «сошек преступного

мира» (Schwarz, 2010:25–31). Они понимали, что действие кастово-религиозного фактора лишь усиливалось в атмосфере преступного мира, где главарь сообщества из более высокой касты авторитетно раздает преступные приказы простым членам группы. Внутренняя дисциплина в таких преступных сообществах, или кастах («*вимукту джати*»), была особенно сильна, потому что на глазах рядовых членов адепты религиозных сект и племенных культов практиковали изуверские ритуалы и массовые жертвоприношения, чтобы задобрить свои божества.

Начиная с середины XIX в. губернаторы индийских президентств стали обдумывать проекты по созданию особых исправительных учреждений для кочевых каст и маргинальных индусских общин. Известны особые законодательные акты — “*Criminals Tribes Acts*”, в частности законы «О преступных кастах» 1871 и 1876 гг., которые действовали в Бенгальском президентстве, закон 1911 г., распространенный на Мадрасское президентство, и, наконец, консолидированный акт 1924 г. о преступных кастах в Индии. Для членов таких каст организовывались специальные поселения с целью «исправлять» криминальные наклонности с помощью тяжелых работ. После получения Индией независимости серия законов 1949, 1952 и 1961 гг. аннулировала дискриминационные положения предыдущих актов о преступных кастах, и вместо этого термина был введен новый — «нетитульная каста» (англ. *denotified*)³.

Наибольшую известность в колониальной Индии по масштабам своей криминогенной активности получила религиозная секта *тугов* (от хинди ठग, *thag* — «вор»; англ. *thuggee*), впоследствии также причисленная к категории «преступная каста». Британские власти подняли на новый уровень проблему преследования и привлечения к ответственности группировок тугов, так как их групповая (организованная) преступность считалась наиболее опасной формой соучастия. Это были средневековые разбойники-душители, которые считали себя служителями индийской богини Кали с ее культом смерти и разрушения (Rushby, 2003). Они были выходцами из низкого сословия погонщиков буйволов, сопровождавших в походах армию Великих Моголов, и примерно на треть состояли из мусульман, стоявших вне кастовой системы Индии. Промышляя на больших дорогах и караванных путях в Северной и Центральной Индии, они нападали на торговые обозы, убивали путешественников и миссионеров. Совершая бескровные убийства согласно ритуалу, они хотели обеспечить себе перевоплощение после реинкарнации в следующей жизни: душили жертву сзади, накинув на шею веревку или тугой шарф, а затем изуродованный до неузнаваемости и обобранный до нитки труп жертвы закапывали ритуальной киркой или сбрасывали в колодец.

³ British Coined Criminal Tribes to Describe Ruthless Robbers // The Times of India. May 30, 2011.

Туги пользовались особыми опознавательными знаками, специальным жаргоном, а их тайное ремесло передавалось от поколения к поколению. Более того, у них был определенный «ценз» на количество убийств во имя богини Кали (не более 900), что, по их убеждению, открывало путь к счастливому перерождению в следующей жизни. Они всегда действовали большой группой под видом купеческого каравана или артели странствующих ремесленников, подалее от своей легальной общины, чтобы не узнали соседи или родственники (Woerkens, 2003:99).

После многолетних разбойных нападений, заметно разбогатев на грабежах удушаемых, многие туги становились уважаемыми членами сообщества или касты (старостами деревень, полицейскими, воинами). И до тех пор, пока английские чиновники-следователи не разоблачили их организацию, туги вели вполне пристойную внешне жизнь, имея легальный заработок, должность, семью.

В своей групповой преступности они отличались от обычных грабителей и разбойников тем, что всегда сначала убивали своих жертв, не щадя никого (мужчин, женщин, детей, случайных свидетелей), и только потом завладевали их имуществом.

В этот же период развивалась сеть сообществ весьма дерзких и могущественных «*дакоитов*» (хинди «бандитов-разбойников»). Они считались «бичом» Индии, так как облагали «данью» и держали в страхе большие подконтрольные территории. В отличие от тугов, они открыто грабили и вероломно похищали людей, но лишь при необходимости пытали своих жертв, стараясь избегать убийств как таковых. Наряду с ритуальной преступностью индийских тугов и бандитской деятельностью дакоитов криминогенную обстановку в Индии накаляли группировки обычных грабителей, называвших себя «*пиндари*», которые рекрутировались из простых крестьян по окончании сельскохозяйственных работ. Объединяясь стихийно и создавая «сезонные» преступные группы, они выходили на большую дорогу с целью разбоя под ложным прикрытием ритуала во имя славной богини Кали и убивали такое количество человек, какое могли ограбить.

В 20–30-е гг. XIX в. проблема борьбы с групповой (организованной) преступностью тугов, дакоитов, пиндари и других бандформирований серьезно обострилась. Систематически стали поступать сообщения из независимых княжеств о нахождении захоронений изуродованных жертв со следами удушения и обобранных до нитки. Среди убитых таким способом были не только местные жители, но и христианские миссионеры, солдаты-сипаи и служащие Ост-Индской компании. В ходе предпринятого расследования колониальные чиновники установили целую сеть разбойных шаек тугов и тех, кто прикрывался мистическим названием этого тайного братства (Thornton, 1837:55–61).

Успешные результаты бескомпромиссной уголовной политики и репрессий колониальных властей в борьбе с групповой ритуальной преступностью не заставили себя долго ждать. Начало разгрома могущественной преступной сети

тугов было связано с назначением лорда Уильяма Генри Кавендиша-Бентинка генерал-губернатором британской Индии. В период его правления (1828–1835 гг.) было санкционировано прямое силовое вмешательство колониальных властей во внутренние дела независимых индийских княжеств под прикрытием интересов борьбы с тугами. Бентинк также предоставил служащим Ост-Индской компании право преследовать и арестовывать разбойников-душителй на всех подконтрольных территориях. Уголовные дела по подозрению в соучастии с тугами были переданы под юрисдикцию судов компании, которые серьезно ужесточили свои приговоры, назначая расстрелы, каторжные работы, пожизненную транспортиацию (уголовную ссылку).

Английский правовед Т.Б. Маколей, ставший советником генерал-губернатора У. Бентинка и возглавивший комиссию по кодификации права в Бенгалии, стал детально изучать формы преступной деятельности тугов. Они за период с 1740 по 1840 гг. убили около миллиона человек. Масштабы и количество жертв религиозных сект и грабительских сообществ сподвигло Т.Б. Маколея включить в разрабатываемый им Уголовный кодекс дополнительные юридические институты. Так, в Общей части УК появились нормы, регламентирующие вопросы соучастия в преступлении, преступного сговора и группового преступления как отягчающего обстоятельства.

Но еще более действенным способом подавления криминальной активности тайных братств тугов оказались методы зарождавшейся науки криминалистики. Были впервые апробированы новые методики долгих и тщательных расследований, сбора вещественных доказательств и улики, практика перекрестных допросов, оперативный розыск тугов в непроходимых лесах и отдаленных племенных поселениях. Наиболее успешным в этом деле стал майор Уильям Г. Слимман, который в скором времени получил назначение военным советником генерал-губернатора У. Бентинка. Еще будучи окружным комиссионером Ост-Индской компании, он применил «революционную» методику в расследовании фактов *тугизма*, заведя криминалистический учет разветвленной сети бандформирований в разных княжествах и сформировав базу систематических данных, ставшую мощнейшим оружием в преследовании разбойников-душителй. Впоследствии криминалистические методики майора У.Г. Слиммана были взяты на вооружение британским «Скотленд-Ярдом».

К моменту прихода к власти генерал-губернатора У. Бентинка с целью противодействия организованной преступности был создан специальный следственный орган с чрезвычайно широкими полномочиями, начальником которого назначили уже прославившегося к тому времени У.Г. Слиммана. Были проведены массовые аресты тугов, раскрыты многие их тайные группировки. Без тяжелых судебных разбирательств схваченным тугам назначали пожизненное заключение, каторжные работы и смертную казнь.

В то же время репрессивная уголовная политика затронула и обычные мобильные группы индийцев — странствующих торговцев и купцов, экономиче-

ски независимых и потому неудобных для британского правительства (цыгане, «госаины», «саньясины», «факиры», бродячие монахи-«дервиши» и др.). Они также преследовались и заранее маркировались властями как «опасные грабители и рейдеры с большой дороги» (Sinha, 2008:7). Местные чиновники, опираясь на ксенофобские и религиозные взгляды британского общества, выдвигали против этих мобильных группировок индийцев обвинения в ужасных демонических ритуалах, которые на проверку оказывались традиционными практиками жертвоприношения животных для богов. Тем самым легитимировалась практика чрезвычайных мер, не требовавших долгих расследований и судебных процедур, тем более в ситуации отсутствия в Индии единообразных уголовного и процессуального кодексов (Yang, 1985:8–15).

Прибывший на помощь генерал-губернатору Т.Б. Маколей справедливо полагал, что следует ускорить разработку общеиндийского Уголовного кодекса, в котором необходимо регламентировать институт соучастия и его формы (*abetment*), усилить ответственность за совместные формы преступлений и ввести уголовно-правовой состав ритуального бандитизма («тугизм»). Это, по его мнению, дало бы в руки английским властям цивилизованные инструменты уголовного преследования и позволило бы прекратить широкомасштабные репрессии и бездоказательные расправы с неподконтрольными правительству группами индийцев.

Его опасения в отношении неоправданности политики круговой расправы и всеобщего подозрения местных жителей в ритуально-сектантских связях оказались реальными. В современных научных дискуссиях авторы не высказывают твердой уверенности в том, что туги действительно были опасной религиозной сектой фанатиков, практиковавшей демонические ритуалы и человеческие жертвоприношения. Скорее всего это была обыкновенная хорошо организованная преступная сеть грабителей, члены которой убивали исключительно ради обогащения, внешне прикрываясь ритуалом и культом богини Кали (Schwarz, 2010:25–31).

III. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ 1860 г.

Когда Т.Б. Маколей в 30-е гг. XIX в. приступил к теоретической разработке индийского УК, он уже имел хорошее представление о различных формах соучастия и особенностях местной групповой преступности. Скрупулезно изучив уголовно-правовую доктрину метрополии и зарубежные кодификации (французский УК 1810 г. и американский УК Луизианы 1826 г.), он принял решение выделить в своем проекте УК Индии самостоятельную Главу IV «О соучастии»

(пп. 85–108)⁴, совершив тем самым важный поворот в уголовно-правовой доктрине соучастия и групповых форм преступности. Он отошел от традиционной для Англии акцессорной теории и предложил новый подход к соучастию с учетом прогрессивных тенденций в уголовно-правовой науке.

Т.Б. Маколей исходил из древней латинской максимы, что “*actus reus non facit reum nisi mens sit rea*” («действие не делает виновным, если не виновна воля»). Принцип, заимствованный из поучений Блаженного Августина, был впервые закреплен еще в статуте Генриха I (1118 г.). С учетом этого положения, для установления вины как основания ответственности соучастников необходимо было доказать оба элемента состава: субъективные (психические) проявления (лат. *mens rea*) и объективные (физические) основания (лат. *actus reus*). Кроме того, Т. Маколей переосмыслил традиционную классификацию соучастников, предполагавшую их деление на исполнителей, подстрекателей, пособников и др. Творчески переработав эту модель градации субъектов преступления, он закрепил в своем проекте УК важный принцип: исполнители и соучастники несут разный объем ответственности, соразмерный «вкладу» каждого из них в преступление. Это удалось сделать посредством установления различных форм соучастия по содержанию деятельности соучастников. Также Т. Маколей исключил из текста УК Индии норму английского «общего права» о необходимости рассмотрения дела исполнителя в отдельном от его соучастников судебном процессе, как устаревшее правило. В итоге местные власти получили по Уголовно-процессуальному кодексу Индии 1861 г. право разбирать уголовное дело исполнителя вместе с соучастниками в одном судебном процессе, осуждая их на основании одного и того же обвинительного акта (Kolsky, 2005: 658–659).

Интересно заметить, что из законодательства колонии данные нормы перешли в право метрополии. Так, учитывая эти новаторские положения УК Т. Маколея, английские законодатели в ходе консолидации норм о соучастии использовали аналогичные формулировки и конструкции. В итоге акцессорность соучастия в метрополии была отменена по Закону «Об уголовном процессе» 1848 г. (*Criminal Procedure Act, 11 & 12 Vic., c. 46*), согласно которому «если лицо объявляется соучастником до деяния., то оно должно быть обвинено, судимо, осуждено и наказано во всех отношениях аналогично тому, как если бы оно являлось исполнителем» (Yesakov, Krylova & Serebrennikova, 2011:237–238). Следующим английским законом «О соучастниках и подстрекателях» 1861 г. (*Accessories and Abettors Act, 24 & 25 Vic., c. 94*), установившим четырехзвенную классификацию соучастников («*aid — abet — counsel — procure*»), было

⁴ См.: A Penal Code Prepared by the Indian Law Commissioners, and published by Command of the Governor General of India in Council. London: Pelham Richardson, Cornhill, 1838. Reprinted by Lawbook Exchange, Ltd., 2002.

отменено правило о раздельном судебном преследовании исполнителя и соучастников.

В первом проекте УК Индии и в его редакции 1860 г., подготовленной при участии членов Верховного суда Бенгалии, институт соучастия был окончательно закреплен в главе V «О соучастии» (“*Of Abetment*”). Но в нее так и не включили норму-дефиницию с общим определением этого института по образцу дефиниций в континентальном уголовном праве. В УК Индии казуистические нормы о соучастии были разбросаны по всему тексту, а его различные нюансы разъяснялись в доктринальных и прецедентных источниках.

Скорее всего проблематичность выработки общей дефиниции для института соучастия в уголовном праве Индии обусловлена двойственным толкованием этого феномена. С одной стороны, соучастие рассматривалось как самостоятельный по своей форме институт, предполагающий равную уголовно-правовую ответственность его субъектов, с другой, — как ряд взаимосвязанных норм, направленных на содействие реализации преступного намерения (сговор, недоносительство, укрывательство и др.). То есть в колониальный период соучастие понималось как сложносоставное преступное деяние, в котором разграничивалась ответственность исполнителя (*principal*) и его соучастников (*accomplices*).

С точки зрения юридической техники при конструировании этого института Т. Маколей выбрал известный прием: перечисление категорий (видов) соучастников преступного сообщества, создаваемого для совершения преступления путем подстрекательства, сговора или содействия. Ряд норм, способствующих толкованию понятия «соучастие», можно также найти в главе II УК Индии «Общие объяснения». Так, в ст. 34 этой главы закреплена узко понимаемая форма преступного соучастия — «совиновничество по предварительному сговору», когда два и более лиц намерены совершить во исполнение общего плана (замысла) преступное деяние, и тогда для всех «совиновников» установлено одинаковое наказание, как если бы каждый из них совершил такое деяние индивидуально. Эта особая конструкция совиновничества была основана на принципе «общая цель — общая ответственность», то есть все участники преступления считались виновными не в соучастии, а в совершении основного деяния (*principal offence*). Таким образом, в УК Индии попытались отграничить состав соучастия (как *substantive offence*) от простого соисполнительства в преступлении.

Первый важный прецедент толкования этой нормы появился в решении бенгальского Верховного суда в 1869 г.⁵ Принципиальным было признано наличие единой для всех соисполнителей преступной цели или «общего намере-

⁵ *Ganesh Singh v. Ram Raja* (1869) // 3 Beng LR (PC) 44-45; *Shafi Ahmed* (1925) // 31 Bom LR 515. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:36).

ния» (*common intention*), что предполагало заранее составленный план и совместное совершение запланированного преступления. Верховный Суд Индии также разграничил «общее намерение» и «одинаковый умысел», когда у участников совместного преступления имеется «одно и то же намерение»⁶. То есть было признано, что для этой конструкции недостаточно простого присутствия без участия и содействия исполнению общего замысла⁷. Но при этом допускались случаи осуждения по совокупности статей главы V «О соучастии» и ст. 34 Главы II УК Индии. Например, установлен факт соучастия в уголовно-наказуемом похищении и продаже девочки, когда главный исполнитель был оправдан за недостатком улик, а его сообщник тем не менее был привлечен к ответственности по двум ст. 34 и 109 УК Индии⁸.

Разработчики индийского УК уделили отдельное внимание отграничению конструкции соучастия от доктрины «*vicarious liability*», которая была отдельно закреплена в ст. 149 УК Индии. Под этой доктриной подразумевается ответственности за чужие действия, которая в уголовном праве Англии и ее колоний была заимствована из французского УК 1810 г. (фр. *responsabilite penal du fait d'autrui*) и стала применяться в обход принципа личной ответственности («каждый отвечает только за свои собственные действия»). В УК Индии регламентировалась ответственность участников «незаконного сборища» (когда участвуют не менее пяти человек с одинаковой целью), которые могли быть признаны виновным в преступлении, совершенном в осуществление общей цели (*common object*), даже если не принимали непосредственного участия и не имели «общего намерения». Здесь не требовалось активного участия всех членов «незаконного сборища» на каждом этапе приготовления или фактического совершения состава преступления⁹.

Но больше всего норм о соучастии было сосредоточено в специальной Главе V, состоявшей из 15 статей (ст. 107–120)¹⁰. Статьи регламентировали такие вопросы, как классификация видов соучастников, признаки субъекта соучастия, особенности *mens rea* и *actus reus* (субъективной и объективной стороны) деяния соучастников, совокупность соучастия, присутствие соучастника на месте преступления, соучастие в неоконченном преступлении, соучастие должностных лиц, массовое соучастие (участие более 10 лиц), сокрытие замысла преступления и др.

⁶ *State of U.P. v. Rohan Singh* (1996) // Cr LJ 2884 (SC). (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:36).

⁷ *Yadu Yadav v. State of Bihar* (1992) // Cr LJ 1743. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:36).

⁸ *Pyare Lal v. State of U.P.*, 1987 // Cr LJ 769; AIR 1987 SC 852. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:36).

⁹ *Taga v. State of Rajasthan* (1977) // Cr LJ NOC 240 (Raj); *Mubeswar Ali v. State of Assam* (1983) // Cr LJ NOC 7 (Gau). (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:37)/

¹⁰ См. текст в кн.: Уголовный кодекс Индии / пер. с англ., под ред. Б.С. Никифорова. М. : Иностранная литература, 1958.

Все статьи главы V «О соучастии» имели собственные подзаголовки, порой весьма пространные, содержащие несколько предложений. В этом отражалась не только специфика юридической техники колониального периода, но и в большей мере авторский стиль самого Т.Б. Маколея, известного на родине как плодовитый писатель и историк-государствовед, оставивший после себя богатое литературное наследие. Почти все статьи главы V УК Индии были снабжены отдельными «объяснениями» (например, в ст. 108 приводилось сразу пять детальных объяснений), а также сопровождалась особыми «оговорками» (например, в ст. 111 УК) и «иллюстрациями» с описанием судебных примеров, гипотетических криминальных ситуаций (во всех статьях главы, кроме ст. 110, 114 и 120) (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:133–151).

В целях историко-теоретического анализа главы V «О соучастии» ее нормы условно подразделяются на две части: 1) понятие преступного соучастия (ст. 107–108); и 2) принципы наказания за соучастие (ст. 109–120).

В УК Индии 1860 г. понятие преступного соучастия раскрывается через формальную градацию соучастников. Этот кодекс стал одним из первых законодательных актов, юридически закрепивших деление участников совместного преступления на отдельные виды. Так, в ст. 107 УК описывался поведенческий аспект соучастия (*actus reus of abetting*) путем перечисления трех форм деятельности (по содержанию объективной стороны): 1) подстрекательство (*instigating*) кого-либо к совершению преступного действия; 2) сговор на совершение преступного действия (*conspiracy*); и 3) пособничество (намеренное содействие) совершению преступного действия (*aiding*). В специальном «Объяснении 1» к ст. 107 УК была добавлена четвертая форма поведения соучастника, когда лицо «умышленно искажает или скрывает существенные факты, о которых оно было обязано сообщить». В «Объяснении 2» также уточнялось, что факт соучастия не зависит от того, «до или после совершения преступления делается что-либо для облегчения его совершения».

Согласно уголовно-правовой доктрине и практике колониальной Индии, разграничение соучастников на виды проходило на основе объективной стороны их поведения, характера и тяжести основного преступления, которое объединяло соучастников, а также момента начала участия (время вступления в группу соучастников). Так, в пояснении к ст. 107 УК Индии в круг подстрекателей включены лица, сознательно скрывающие или искажающие «существенные факты» преступления уже после его совершения. То есть соучастником признавался и укрыватель преступления (кроме супруга и ближайших родственников исполнителя).

В отношении подстрекательства как формы соучастия судебная практика Индии складывалась таким образом, что для привлечения к наказанию было не

важно, какие именно слова подстрекатель произносил, не требовалось представлять доказательства его «прямой речи» в документах дела¹¹. Однако если подстрекательство осуществлялось в письменной форме, и будущему исполнителю было направлено соответствующее почтовое послание, то требовалось установить, что исполнитель предварительно ознакомился (прочел) его содержание в письме подстрекателя¹². Для привлечения к ответственности было достаточно, чтобы подстрекатель каким-либо образом укрепил решимость лица совершить преступление, даже если это не было единственной причиной преступного поведения. Несущественным считался и тот факт, что состав основного преступления не завершен (неоконченное преступление), и что не достигло своей цели то лицо, которое участвовало в подстрекательстве к такому незавершенному преступлению¹³. Здесь определяющее значение приобретала уже субъективная сторона, то есть само намерение подстрекателя, а не его поведение, признавалось достаточным основанием.

Наряду с подстрекателем и заговорщиком выделялась третья категория соучастника — пособник. Для привлечения его к ответственности необходимо было доказать совершение им каких-либо предварительных действий, облегчивших в итоге основное преступление. Однако судебная практика признавала такую форму соучастия и после факта совершения основного преступления (например, в случае сбыта заведомо похищенного имущества). При этом заранее не обещанное укрывательство самого преступника или следов его преступления не признается пособничеством в смысле ст. 107 УК Индии. Такое деяние могло составить самостоятельное преступление против правосудия, в частности, на основании ст. 212 УК Индии (Ratanlal, Dhirajlal, 1999:138).

В соответствии со ст. 108 УК Индии соучастие в преступлении признавалось уголовно наказуемым, даже если исполнитель освобождался от ответственности (например, в силу возраста, невменяемости или добросовестного заблуждения), или же у него было отличное от его соучастника преступное намерение и знание (не совпали интеллектуальные элементы состава). Согласно судебной практике не являлось критичным то, что соучастник договаривался о преступлении с лицом, впоследствии его не совершившим («Объяснение 5» к ст. 108). В случае же незаконного бездействия соучастие могло быть признано преступным, если соучастник по своей должностной инструкции не был обязан совершить то действие, от которого воздержался по предварительному сговору. В данной ситуации имеется в виду случаи соучастия частных лиц в должностных преступлениях.

¹¹ *Prem Narain* // AIR 1957 All 177. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:16, 134).

¹² *Sheo Dial Mal* (1894) // 16 All 389; *Ransford* (1874) // 13 Cox 9. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:135).

¹³ *Faguna Kanta Nath v. State Assam*, 1959 // Cr LJ 917 SC; AIR 1959 SC 673. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:134).

Нельзя не отметить противоречивость индийской практики по делам о соучастии, когда судьи в своих решениях возвращаются к теории акцессорности, указывая, что соучастник не может быть наказан, если был оправдан исполнитель основного преступления¹⁴. Например, Верховный суд Индии подчеркивал, что лицо может быть привлечено за соучастие в самоубийстве, если будет доказано, что наступившая смерть стала следствием суицида¹⁵.

После регламентации понятия и видов соучастников (ст. 107–108), в главе V УК Индии помещается блок статей, закрепляющих отдельные виды наказаний за соучастие и принципы их назначения. Отметим их гибко-противоречивый характер, так как они сочетают два самостоятельных подхода. В зависимости от степени тяжести и схемы применения различают: 1) *подход равного воздаяния*, когда соучастие наказуемо в той же мере, что и основное преступление, если законом не предусмотрено иное; и 2) *правило дифференцированной ответственности*, когда наказание каждого из соучастников определяется в зависимости от его роли (категории) и «вклада в общее дело» по реализации преступного плана.

Первый подход был закреплен в общей норме ст. 109 УК, где отражается принцип наказуемости соучастников по теории «эквивалентности». Но это общее предписание уступает специальной норме, содержащейся в Особенной части УК Индии. По общему правилу исполнитель и соучастники не разграничиваются для индивидуализации их наказания. Заведомо все участники преступного сговора или спонтанного возникшего соглашения считаются уголовно наказуемыми в равной мере. Об этом свидетельствует сложившаяся судебная практика¹⁶. Такая позиция судей объясняется высокой степенью опасности действий подстрекателей и пособников по сравнению с непосредственным исполнителем (Dodonov, 2010:197). Например, если обвиняемый не принимал участия в изнасиловании (ст. 367 УК), но продолжал наблюдать за действиями других и своим присутствием по сути способствовал и содействовал совершению преступления (не остановил или не предотвратил), то он подвергается наказанию по совокупности статей 109 и 376 УК Индии¹⁷.

Интересно заметить, что в ст. 109 УК приведены три иллюстрации с такими составами, как дача взятки, лжесвидетельство и отравление ядом. Дело в том, что коррупционная преступность и проблема взяточничества в колониальной Индии всегда стояли остро. Поэтому примеры такой категории должностных преступлений применительно к соучастию специально описываются в Об-

¹⁴ *Jamuna Singh v. State of Bihar* // AIR 1967 SC 553. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:134).

¹⁵ *Wazir Chand v. State of Haryana* // AIR 1989 SC 378; 1989 Cr LJ 809. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:134, 141).

¹⁶ *M.M.Y. Momin* (1971) // Cr LJ 793 (SC); *Ashok Nivruti Desai v. State of Maharashtra* (1995) // 1 Cr LJ 826 (bom); *Vinit v. State of Maharashtra* (1994) // 2 Cr LJ 1791 (Bom). (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:142).

¹⁷ *Nawabkhan v. State*, 1990 // Cr LJ 1179 MP. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:143).

щей части УК. Так, если должностное лицо приняло взятку как вознаграждение за оказанную им при исполнении служебных обязанностей услугу, то тот, кто давал взятку, объявляется соучастником в преступлении по ст. 161 УК Индии, предусматривающем лишение свободы и/или штраф.

Однако в 1952 г. для дальнейшей дифференциации ответственности в делах о взяточничестве было принято решение внести поправку в УК Индии, включив в него новую статью 165А «Наказание за соучастие в преступлениях, предусмотренных в ст. 161–165». В ней был выделен самостоятельный состав преступления под названием «содействие взятке», в целях разграничения с преступлением по ст. 116 УК (когда подкупаемое лицо в итоге отказывается от предложенной взятки)¹⁸. В связи с этим при соблюдении условий ст. 107 УК соучастник в даче взятки подлежал ответственности уже независимо от того, было ли окончено основное преступление или нет (принята или отклонена взятка)¹⁹. Отметим также, что ст. 161–165А УК Индии были впоследствии исключены из текста Кодекса в связи с принятием специального Закона «О предотвращении коррупции» 1988 г.

В следующем блоке норм (ст. 110–114 УК Индии) уточнялись дополнительные случаи ответственности, связанные с несовпадением субъективной и объективной стороны деяния (*mens rea* и *actus reus*) исполнителя и соучастника. Так, в случае различий в субъективной стороне (преступное намерение/знание), соучастник подлежит наказанию только за то преступление, которое охватывалось его умыслом, т.е. он не отвечает за эксцесс исполнителя (ст. 110 УК; «Объяснение 3» к ст. 108 УК Индии). Но в случае расхождения действий исполнителя и соучастника (различия в *actus reus*) последний тем не менее несет ответственность и за дополнительное действие исполнителя, если сознательно допускал мысль («знал») об этом его действии или вредоносном последствии, «исходя из обстоятельств дела, обычного опыта и здравого смысла» (ст. 111 УК). Так, действует принятый в англосаксонском праве «объективный стандарт» небрежности, в силу которого «разумный человек с очевидностью был бы осведомлен о возможности наступления неблагоприятных последствий (предвидел бы возможность их наступления), если бы он оказался в ситуации деятеля, независимо от того, могло ли виновное лицо в реальности, в силу своих субъективных качеств быть осведомлено о такой возможности» (Yesakov, 2007:27). В описанном случае к соучастнику применяется правило о совокупности наказаний (*cumulative punishment*) за основной состав преступления и за дополнительное деяние/преступное последствие преступного поведения исполнителя (ст. 112–113 УК).

¹⁸ *Bhajahari* (1959) // SCR 1276. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:220).

¹⁹ *Faguna Kanta Nath v. State Assam*, 1959 // Cr LJ 917 SC. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:134).

Примечательно, что в следующей статье 114 УК Индии нашла отражение англосаксонская доктрина «предвидения соучастника», основанная на известной презумпции *juris et de jure* (лат. «по закону и по праву»). Согласно этой презумпции фактическое присутствие лица на месте совершения преступления в совокупности с ранее состоявшимся (предшествующим) соучастием означает не что иное, как его прямое «участие в преступлении»²⁰. Это форма участия в преступлении *de facto* предполагает, что соучастник находился во время преступления рядом с исполнителем, которого ранее подстрекал или оказывал ему пособничество, и поэтому он превращается из первоначального простого соучастника в «соисполнителя преступления» (*the principal*). Но в суде он рассматривался как «исполнитель второй степени» с учетом фактора времени, так как он участвовал (содействовал) во время совершения преступления или же был в том же месте, где оно в реальности совершалось. В частности, если он, присутствуя на месте преступления, к которому ранее подстрекал, продолжал подбадривать исполнителя или оказывал ему иное содействие, то он привлекался уже как соучастник по нормам статьи 109 УК Индии (Ratanlal, Dhirajlal, 1999:145–146).

Согласно ст. 115–116 УК в случае соучастия в неоконченном преступлении, наказуемом смертной казнью или «пожизненной транспортицией» (ссылкой на каторгу), соучастник подвергался штрафу и тюремному заключению на срок до семи лет. Но если за неоконченное преступление, которое было общей целью соучастия, грозило срочное лишение свободы, то соучастник в таком деянии подлежал наказанию в размере 1/4 максимального срока лишения свободы или штрафу. Ответственность ужесточалась, если соучастником выступало должностное лицо, например, в коррупционных преступлениях. В соответствии со ст. 117 УК в случае соучастия группы лиц более 10 человек или неопределенного множества лиц, наказание предусматривалось в виде штрафа или лишения свободы до трех лет (Ratanlal, Dhirajlal, 1999:146–148).

Наконец, согласно последней группе норм Главы V (ст. 118–120) УК Индии в качестве соучастия признавалось недоносительство. Так, лицо, добровольно скрывшее наличие преступного плана или замысла либо сообщившее ложные сведения об этом с целью облегчить совершение готовившегося преступления, наказуемого смертной казнью или ссылкой, подлежало наказанию за соучастие в виде денежного штрафа и лишения свободы: до семи лет — в случае оконченного преступления, и до трех лет — в случае неоконченного состава (Ratanlal, Dhirajlal, 1999:149–150).

Состав недоносительства также был предусмотрен в ст. 44 УПК Индии, которая закрепила обязанность граждан незамедлительно сообщать об известных им готовящихся или совершенных преступлениях, предусмотренных статьями

²⁰ *Barendra Kumar Chosh* (1924) // 52 IA 40, 53. Цит. по: Уголовный кодекс Индии / пер. с англ., под ред. Б.С. Никифорова. М. : Иностранная литература, 1958. С. 63.

121 (ведение войны против правительства Индии), 130 (укрывательство или содействие побегу государственного преступника или военнопленного), 143 (незаконное сборище), 147 (учинение беспорядков), 302 (тяжкое убийство), 382 (кража, которой предшествовало посягательство на чью-либо жизнь, здоровье или свободу), 392 (разбой), 435 (порча имущества путем поджога или взрыва) и др. УК Индии.

Кроме положений о соучастии в Общей части УК Индии, этот институт находит отражение в диспозициях статей Особенной части Кодекса. Здесь выделяются такие самостоятельные составы, как: «Соучастие в ведении войны против правительства Индии» (ст. 120), «Сговор о совершении преступлений, наказуемых в соответствии со статьей 121» (ст. 120А), соучастие в мятеже, неподчинении или дезертирстве солдата/моряка в ходе их воинской службы (ст. 131–135); соучастие в коррупционных преступлениях (ст. 164 и 165А); соучастие в подделке монеты (ст. 236); соучастие в самоубийстве (ст. 305–306); соучастие в преступном нарушении границ чужого владения (ст. 460). Таким образом, законодатель закрепил в специальных статьях основания уголовной ответственности за соучастие. Поэтому действия соучастников, подпадающие под такие нормы, квалифицировались без применения статей главы V Общей части УК Индии.

Казуистичность в законодательной регламентации и противоречия в судебном толковании института соучастия привели к тому, что соответствующие положения УК Индии подверглись корректировкам и дополнениям в XX в. Так, в 1913 г. был принят специальный закон о поправках, установивший следующие новые положения. Во-первых, глава V «О соучастии» была дополнена специальной нормой о принципе территориальности уголовного закона. В результате была введена новая ст. 108-А под названием «Соучастие в Индии в преступлениях, совершаемых за пределами Индии». Во-вторых, была введена самостоятельная Глава VA «Преступный сговор» (“*Criminal conspiracy*”), которая состояла из двух новых статей (ст. 120А–120В), инкорпорировавших нормы «общего права» об этом устаревавшем институте преступного сговора.

Напомним, что изначальная законодательная дефиниция «*conspiracy*» содержалась только в п. 3 ст. 107 УК Индии. Тогда под «соучастием в форме сговора» понималось лишь соглашение двух или более лиц совершить противоправный акт (действие) или же незаконными средствами совершить правомерное действие. Если стороны сорганизовались вместе и имели общую цель, то действие одного из них, совершенное во исполнение их совместной цели и преступного плана, считалось общим деянием всех «заговорщиков»²¹. За исключением случаев, предусмотренных в ст. 121А, 311, 400–402 УК Индии, «преступ-

²¹ *Ameer Khan* (1871) // 17 WR (Cr) 15. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:135).

ный сговор» рассматривался как более специфичная форма соучастия, при которой незаконное действие или бездействие совершалось во исполнение предварительного соглашения, и инкриминировалось в отношении каждого преступления, по поводу которого соучастники состояли в сговоре²².

Но позднее, когда в Уголовный кодекс Индии была включена отдельная глава VA (ст. 120A–120B), обособились два различных состава преступления с одинаковым названием «*conspiracy*», закрепленные соответственно в п. 2 ст. 107 и в ст. 120A²³. Их стали разграничивать по следующему основанию. Для самостоятельного преступления сговора по главе VA было достаточно факта простого соглашения (предварительной договоренности) о преступлении. Это предполагало не только общее субъективное намерение двух и более лиц, но также внешнее проявление их договоренности, даже если изначально эта договоренность не имела противоправного содержания²⁴. В этом вопросе индийские суды опирались на дефиницию «сговора», сформулированную английским судебным лордом Денманом по делу *Джонса* 1832 г.: «Сговор — это соглашение о том, чтобы совершить противоправное действие, либо о том, чтобы совершить правомерное действие, но противоправными средствами» (Smith, Hogan, 1996:277). Как отмечает Н.А. Шульженко, сговор в зависимости от преследуемой им цели может быть направлен на совершение преступления, воспрепятствование отправлению правосудия, причинение частного вреда или даже на совершение просто аморального действия (Shulzhenko, 1982:17).

Однако если при этом не смогли доказать факта предварительного соглашения о совершении именно преступного деяния, то для привлечения к ответственности по ст. 120A УК Индии необходимо было установить дополнительное условие. Хотя бы один из участников такого соглашения должен был совершить какое-либо незаконное действие во исполнение общего соглашения (это правило «внешнего акта»). Так, согласно «Объяснению 1» к ст. 120A УК Индии не было существенным, что конечной целью такого соглашения не являлось изначально какое-либо незаконное действие. В соответствии с толкованием ст. 43 главы II УК Индии «незаконное действие» образует не только преступление, но и другие виды правонарушений, в том числе гражданские деликты. К этой категории относятся также «безнравственные» действия либо внешне законный акт, но с применением незаконных средств (Nikiforov & Reshetnikov, 1990:67). Достаточным элементом «внешнего акта» для преступного сговора считалась сама попытка приступить к осуществлению предварительного соглашения.

²² *The Tirumal Reddi* (1901) // 24 Mad 523, 546. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:135).

²³ См. текст: (Ratanlal & Dhirajlal 1999:153-160).

²⁴ *The Pramatha Nath v. Saroj Ranjan* // AIR 1962 SC 876. (Ratanlal & Dhirajlal, 1999:135, 157).

Таким образом, в отличие от совиновничества по предварительному сговору (ст. 34) и сговора как формы соучастия (ст. 107), «преступный сговор» как самостоятельный состав не требовал установления подстрекательской или пособнической деятельности, или же «общего намерения» в отношении основного преступления. Для наказуемости по ст. 120А или 120В УК Индии было достаточно самого факта соглашения, то есть это был сговор в буквальном смысле, даже если при этом участники не договаривались специально о средствах достижения цели такого соглашения. Не имело существенной значимости также и то, насколько действия обвиняемого были близки к достижению общей цели соглашения, в отличие от того, как это требуется в случае уголовно наказуемого покушения на преступление (Kozochkin, 2007:187). Наконец, не имел важного значения факт того, каковыми были в действительности средства совершения сговора — пригодными или нет — для исполнения общей цели договоренности. В судебной практике классическим примером такого сговора считалось соглашение об убийстве с помощью чародейских средств (путем колдовства), когда участники сговора были уверены в действенности таких средств и не отдавали себе отчет в их непригодности.

В колониальный и ранний постколониальный период Индии судебная практика придерживалась линии по расширению трактовки и усилению уголовной репрессии за преступный сговор и подстрекательство. Сложность доказывания заведомой виновности участника сговора при всех его объяснениях и исключениях в тексте Кодекса потребовала от правоприменителя более гибкого определения границ действия этих норм. Эти определения и квалифицирующие признаки различных форм соучастия корректировались в доктринальных комментариях и практике индийских судов, которые к тому же активно заимствовали решения судов других стран Британского Содружества наций.

В XX в. индийские суды неоднократно подтверждали уголовную наказуемость соучастия даже в неумышленных преступлениях и в ситуациях т.н. строгой (абсолютной) ответственности, а также за простую попытку или согласие оказать содействие исполнителю преступления. В постколониальный период с учетом высокой угрозы международного терроризма и экстремистских объединений в Индии, в частности, в исламском штате Джамму и Кашмир, актуализировалась проблема ответственности за организацию и участие в преступных объединениях (сообществах). Эти случаи в силу их чрезвычайно высокой опасности были в итоге выведены за рамки индийского УК, поэтому ответственность соучастников регламентируется специальными нормами антитеррористического законодательства Индии.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всего XIX в. на уголовную политику в сфере противодействия группой и организованной преступности в британской Индии и постепен-

ную разработку юридической конструкции соучастия в Уголовном кодексе 1860 г. влияли многочисленные факторы.

Особый характер этого института предопределил кастовый строй и религиозно-этнические противоречия в колониальном обществе Индии. Пестрота правового регулирования на местах и смешанная природа формировавшейся правовой системы обусловили казуистический характер законодательной регламентации соучастия в УК Индии. Оригинальность и новаторство Т.Б. Маколей как основного разработчика проекта колониального УК позволили отступить от устоявшихся догм «общего права» о соучастии и учесть новые тенденции в регламентации этого института. Более того, некоторые нововведения в колониальном законодательстве и судебной практике были учтены в ходе уголовно-правовой реформы в самой Великобритании во второй половине XIX в.

Историческое развитие института соучастия в уголовном праве Индии свидетельствует о постепенном законодательном расширении понятия совместной преступной деятельности и отдельных ее форм по сравнению с англосаксонской доктриной и законодательством. Свою важную роль в систематизации норм ответственности за преступное соучастие и практическом воплощении его концепции сыграла колониальная администрация в лице таких выдающихся чиновников-реформаторов, как генерал-губернатор У.Г. Бентинк, автор-разработчик УК Индии Т.Б. Маколей, активный преследователь преступных группировок майор Г. Слиман и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Banerjee, T. K. (1962) *The Substantive Criminal Law Prior to the Indian Penal Code*. In: *Essays on the Indian Penal Code Published on the Centenary of the Indian Penal Code*. Bombay, N. M. Tripathi, pp. 3–32.
- Chernykh, A. V. (1986) *Otvetstvennost' za souchastiye v prestuplenii po angliyskomu ugovnomu pravu* [Responsibility for Complicity in the Crime in English Criminal Law]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Law Sciences. All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. (in Russian)
Черных А.В. Ответственность за соучастие в преступлении по английскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : ВНИИСЗ, 1986.
- Dodonov, V. N. (2010) *Sravnitel'noye pravovedeniye. Obshchaya chast'* [Comparative Law. A General Part]. Moscow, Yurlitinform. (in Russian)
Додонов В.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М. : Юрлитинформ, 2010.
- Esakov, G. A., Krylova, N. E. & Serebrennikova, A. V. (2011) *Ugolovnoye pravo zarubezhnykh stran* [The Criminal Law of Foreign Countries]. Moscow, Prospekt. (in Russian)
Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М. : Проспект, 2011.
- Esakov, G.A. (2007) *Ucheniye o prestuplenii v stranakh sem'i obshchego prava* [The Doctrine of Crime in the Common Law Family]. Author's Abstract of Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Kutafin Moscow State Law University. (in Russian)
Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГЮА, 2007.

- Glücklich, A. (1982) Karma and Social Justice in the Criminal Code of Manu. *Contributions to Indian Sociology*. 16 (1), 59–78.
- Kaspshak, E. (2016) *Osnovy ugovornogo musul'manskogo prava* [Foundations of Criminal Islamic Law]. Saint Petersburg, Alef-Press. (in Russian)
Каспшак Е. Основы уголовного мусульманского права. СПб. : Алеф-Пресс, 2016.
- Kozochkin, I. D. (2007) *Ugovornoye pravo SSHA: uspekhi i problemy reformirovaniya* [Criminal Law of USA: Successes and Problems of Reforming]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy Tsentr Press. (in Russian)
Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007.
- Krashennnikova, N. A. & Trikoz, E. N. (2017) Ugovornyy kodeks Indii 1860 goda: istoriya sozdaniya i kharakternyye cherty [The Criminal Code of India in 1860: the History of Creation and Characteristic Features]. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*. (4), 183–206. (in Russian)
Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4. С. 183–206.
- Kolsky, E. (2005) Codification and the Rule of Colonial Difference: Criminal Procedure in British India. *Law and History Review*. 23 (3), 631–683. Available from: doi:10.1017/S073824800000596.
- Nikiforov, B. S. & Reshetnikov, F. M. (1990) *Sovremennoye amerikanskoye ugovornoye pravo* [The Modern American Criminal Law]. Moscow, Nauka. (in Russian)
Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М. : Наука, 1990.
- Pollock, F. & Maitland, F. W. (1898) *The History of English Law before the time of Edward I*. Vol. II. Cambridge, Cambridge University Press.
- Ratanlal, R. & Dhirajlal, K. T. (1999) *The Indian Penal Code (Act XLV of 1860), with exhaustive notes, comments, case-law references*. New Delhi, Wadhwa International.
- Rushby, K. (2003) *Children of Kali: Through India in Search of Bandits, the Thug Cult and the British Raj*. London, Walker & Company.
- Schwarz, H. (2010) *Constructing the Criminal Tribe in Colonial India: Acting Like a Thief*. Chichester, Chichester, United Kingdom, Wiley-Blackwell. Available from: doi:10.1002/9781444317336.
- Shahdeen, M. (1994) *The Transformation of Colonial Perceptions into Legal Norms: Legislating for Crime and Punishment in Bengal, 1790's to 1820's*. London, SOAS.
- Shulzhenko, N. A. (1982) *Otvetstvennost' za predvaritel'nyuyu prestupnyuyu deyatel'nost' po anglo-amerikanskomu ugovornomu pravu* [Responsibility for Preliminary Criminal Activity in Anglo-American Criminal Law]. The Dissertation of Candidate of Legal Sciences. All-USSR Correspondence Institute of Law. (in Russian)
Шульженко Н.А. Ответственность за предварительную преступную деятельность по англо-американскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Всесоюзный юридический заочный институт, 1982.
- Sinha, N. (2008) Mobility, Control and Criminality in Early Colonial India, 1760s–1850s. *Indian Economic Social History Review*. 45 (1), 1–33. Available from: doi:10.1177/001946460704500101.
- Smith, J. C. & Hogan, B. (1996) *Criminal Law*. London, Butterworths.
- Thornton, E. (1837) *Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee*. London, W.H. Allen and Co.

Woerkens, M. van (2002) *The Strangled Traveler: Colonial Imaginings and the Thugs of India*. Chicago, The University of Chicago Press.
Yang, A. A. (ed.) (1985). *Crime and Criminality in British India*. Tucson, Arizona, University of Arizona Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Крашенинникова Нина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедр истории государства и права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

ORCID ID: 0000-0003-4029-4149

Контактная информация:

e-mail: history@law.msu.ru

Триkoz Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов.

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X

Контактная информация:

e-mail: trikoz_en@pfur.ru

Для цитирования:

Крашенинникова Н.А., Триkoz Е.Н. Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 66–90, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-66-90

GENESIS OF THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN THE INDIAN CRIMINAL LAW IN XIX CENTURY

Nina A. Krasheninnikova

Lomonosov Moscow State University
Faculty of Law

1/13–14, Leninskie Gory st., GSP-1, Moscow, Russia, 119991

Elena N. Trikoz

RUDN University
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The Article deals with the history of doctrinal and legal formation of the institute of complicity in the Indian criminal law during colonial period. The mixed nature of the law system assumes some approaches to the criminal conspiracy as from the orthodox tradition (Sanskrit texts, and the treatises of Hinduism), and on the subsystem of the Islamic law.

The Article provides the historical analysis of preparatory materials to the Indian Penal Code of 1860 (IPC), the opinions of the leading scientists-criminologists and main judgments. The authors express own opinion on a perspective of group criminality and its influence on the history of the Indian criminal law. Some crime statistics and collecting crime data during the colonial period in India are descript of a criminogenic situation as empirical materials.

The prevalence of joint criminal activity and organized groups of local inhabitants was a result of traditional exclusive hierarchy and collective ideology in British India. Religious criminal sect of thugs (a gang of professional murderers and robbers) made the most dangerous category of “criminal tribes” in the colonial period. The organized criminal activity of the thugs was the reason of theoretical search of new criminal policy methods and ways of judicial prosecution in colonial India.

As a result, authors have allocated some main figures of British officials who developed the concept of complicity and practically approve “joint participation” in the Indian Penal Code of 1860 during the expanded professional criminality connected with hunger, rebellions, ritual robberies and sacrifices. The Article identifications of some features of the crime partnership in the Indian Penal Code of 1860 (innovative provisions of Macaulay's project), in comparison with the complicity in the common law tradition. The consolidated provisions of abetment in the Indian Penal Code regulated various forms of complicity, grounds for prosecution (liability of abettor), distinction mens rea and actus reus of accomplices, abetting commission of offence by the public or by more than ten persons, abetment if offence be not committed, concealing design to commit offence, etc.

In the conclusion authors believe that at the present stage in the Indian Penal Code washing out of initially narrow interpretation of complicity in the crime (abetment of offence) and of judicial interpretation of it's various forms and questions of punishment of accomplices is observed.

Key words: Indian Penal Code of 1860; common law tradition; criminal liability; complicity in the crime (abetment of offence); abetment; joint participation; criminal association (criminal organization); essential element of complicity; colonial law; Hindi law

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina A. Krasheninnikova, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, History of State and Law Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

ORCID ID: 0000-0003-4029-4149

Contact information:

e-mail: history@law.msu.ru

Elena N. Trikoz, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, History of Law and State Department, Law Institute, RUDN University.

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X

Contact information:

e-mail: trikoz_en@pfur.ru

For citation:

Krasheninnikova, N. A. & Trikoz, E. N. (2018) Formirovanie instituta souchastiya v ugovolnom prave Indii XIX v. [Genesis of the Institute of Complicity in the Indian Criminal Law in XIX Century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 22 (4), 66–90. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2018-22-1-66-90.